

Глава VII. «Достижения»

Несмотря на появление многочисленных трудов и исследований, содержащих обширную документацию и неопровержимые факты о так называемых советских «достижениях», немалое число людей упорно продолжает верить в этот миф. Ибо многим свойственно утверждать, что они все знают и понимают, не давая себе даже труда читать то, что издается.

Большое число наивных людей, всецело доверяющих утверждениям сторонников СССР, искренне считают, что замечательные «достижения» единственного в мире «социалистического государства» готовят почву для будущего подлинного и полного коммунизма.

Мы, знающие страну, внимательно следящие за тем, что в ней происходит, можем по достоинству оценить сегодняшние большевистские «завоевания» и «подвиги».

Их углубленный и детальный анализ не входит в наши задачи. Но все-таки необходимо кратко ответить на очень интересный и вполне естественный вопрос:

Приводит ли государственный капитализм, который, по признанию самих искренних коммунистов, установили в России большевики, к результатам, ценным хотя бы в чисто промышленном, сельскохозяйственной, культурном плане? Ведет ли он к прогрессу в этих областях? Удалось ли ему придать импульс стране, отсталой в промышленной, технической, политической, социальной областях? Сможет ли он в один прекрасный день, благодаря этому прогрессу, облегчить социальную трансформацию и переход к будущему социалистическому обществу? Можно ли рассматривать государственный капитализм как переход к социализму, как неизбежную и необходимую стадию для такой страны, какой была дореволюционная Россия?

Многие утверждают, что в сложившихся условиях большевики сделали максимум возможного. По причине зачаточного состояния промышленности, техники и просвещения масс, говорят они, единственно возможной целью в *такой стране* был приход к власти интеллектуальной элиты, которая вынудила бы народ наверстать упущенное, создала бы мощную промышленность, современные технологии, прогрессивное сельское хозяйство, развила бы невиданную просветительскую деятельность. Только такая задача была по силам. И страна нуждалась в ее решении. Большевики оказались единственными, кто понял это и решительно приступил к делу, не останавливаясь перед любыми средствами, преодолевая любые препятствия. И они были совершенно правы, безжалостно уничтожая все, что могло помешать им вести такую подготовительную работу. Ибо от этого зависело ближайшее будущее страны и социализма в целом.

Предшествующие главы, как мы надеемся, заставляют задуматься над обоснованностью этих рассуждений.

Дополним наш рассказ несколькими фактами, цифрами и необходимыми выводами.

Существует замечательное средство оценить *действительные* достижения большевистского государства и *реальное* положение в нем. Во всяком случае, при условии знания страны, ее истории, языка, нравов и особенно при умении читать советскую прессу. Жаль, что за пределами России, где такие условия отсутствуют, средство это малоприспособно.

Оно заключается в том, чтобы регулярно отслеживать публикации в советских газетах, главным образом, в «Известиях» и «Правде».

Правительству большевиков известно, что, за редкими исключениями, газеты эти за рубежом не читают. Делая ставку, с одной стороны, на незнание того, что на самом деле происходит в СССР, а с другой, на результаты своей широкомасштабной и интенсивной *пропаганды*, правительство считает, что обезопасило себя от неблагоприятных разоблачений. Вынужденное признавать и объяснять собственному населению отдельные недостатки, оно может делать это, ничего не опасаясь. И терпит некоторые публикации в газетах, контролируя, разумеется, их цели и тщательно дозируя их.

Читая признание за признанием, внимательный читатель советской прессы неизбежно приходит к поучительным выводам.

Внимание исследователя должны привлекать главным образом следующие разделы:

1. Редакционные статьи;
2. Отчеты о Съездах (в частности, речи делегатов);
3. Репортажи и корреспонденции с мест;
4. Хроника.

Редакционные статьи. — Редакционные и другие основные статьи, фабрикуемые по одному шаблону, уже многие годы имеют одинаковую структуру.

Каждая статья начинается с гимна «достижениям»:

В такой-то области, заявляется в частности, мы сделали гигантский шаг вперед. Все идет как нельзя лучше. «Партия и правительство» (ритуальная формулировка, многократно повторяемая в каждой статье) приняли такое-то решение, такую-то меру, такой-то указ. И мы уверены (незаметный переход к будущему времени), что отныне то-то и то-то *будет* сделано; что очень скоро *произойдет* прогресс там-то и там-то; что незамедлительно *будет достигнут* такой-то результат и т. д.

Эта часть занимает обычно две трети статьи.

Затем неизменно следуют «но», «однако», «тем не менее» или «все-таки»:

Но, продолжает статья, партия и правительство вынуждены констатировать, что, согласно последним отчетам, нынешние достижения еще далеки от необходимых результатов; что красивые обещания не выполнены; что в настоящее время сделано только то-то и то-то. Следуют цифры и данные, удивительно не соответствующие ожиданиям.

Чем больше вы читаете, тем больше замечаете, что в ожидании прекрасного *будущего* реальное *настоящее* плачевно: небрежность, упущения, серьезные ошибки, слабость, бессилие, беспорядок, неразбериха — вот что обыкновенно констатирует статья. И неизменно отчаянно призывает: «Вперед! Ускорим темп! Нужно взять себя в руки! Настало время увеличить производство! Меньше брака! Пусть ответственные лица наведут порядок! Партия и правительство свой долг выполнили. Рабочим предстоит выполнить свой».

Зачастую статьи заканчиваются угрозами в отношении этих несчастных «ответственных» и вообще тех, кто останется глух к призывам «партии и правительства».

Я останавливаюсь на этой особенности советской печати, потому что она крайне типична и проявляется день за днем уже два десятка лет. Это само по себе уже немало говорит о *действительных* «достижениях».

Отчеты съездов. — Отчеты съездов особенно поучительны, если не считать за труд внимательно читать *выступления делегатов*.

Разумеется, все делегаты принадлежат к привилегированной рабочей «аристократии». Их речи похожи как две капли воды.

Каждая речь начинается с безмерного прославления Сталина: великий, гениальный, любимый, глубокоуважаемый, сверхчеловек, величайший мудрец всех времен и народов. Затем каждый делегат утверждает, что в его районе — или отрасли — предпринимают невиданные усилия, чтобы осуществить предписания «партии и правительства», порадовать обожаемого «Вождя». После чего раздаются красивые обещания на будущее. Наконец, почти все делегаты услужливо перечисляют все, что «партия и правительство» уже сделали «для рабочих». В качестве примера делегат обычно приводит свой собственный случай. Эта часть речи, как правило, наиболее любопытна. Усердно трудясь и достигнув таких-то и таких-то результатов, говорит делегат, он смог заработать столько-то и столько-то, что позволило ему купить красивую мебель, патефон, пианино и т. д. И он надеется работать еще лучше, чтобы жить еще веселее. «Он был прав, наш великий Сталин, — восклицает делегат, — жизнь в СССР с каждым днем становится все лучше, все веселее!» Часто он заканчивает свою речь на наивной до смешного ноте: «Власти пообещали мне в награду за мои усилия то-то и то-то (например, хороший велосипед). Обещание пока не выполнено, но я терпеливо жду, потому что верю своему правительству...» (Продолжительные аплодисменты Съезда.)

Цель этих искусно инспирированных речей ясна. Рабочим говорят: «Трудитесь усердно, подчиняйтесь властям, почитайте своего «Вождя», и вы подниметесь над стадом, у вас будет обеспеченная буржуазная жизнь».

Эта пропаганда приносит свои специфические плоды. Желание «сделать карьеру» подстегивает энергию тысяч людей в СССР. Пример тех, кто «выдвинулся», удесятерит ее. Это выгодно правящей касте. А «социализму»? Терпите, одураченные!

Что касается репортажей, корреспонденций с мест, хроники и пр., эти разделы при регулярном чтении позволяют нам составить хоть и приблизительное, но яркое представление о множестве повседневных фактов, этих «незначительных мелочей», из которых на самом деле состоит человеческая жизнь. Так складывается достаточно полное представление о положении населения и умонастроениях в «первой социалистической стране».

Разумеется, подобное исследование не может считаться завершенным без изучения статей в журналах, статистических данных и т. д.

Каковы же наши выводы о конкретных достижениях в СССР?

Прежде всего, существует род деятельности, в котором «советская» власть действительно побилла все рекорды — *пропаганда*; точнее, ложь, обман и блеф.

Здесь большевики показали себя несравненными мастерами[54].

Располагая всеми средствами информации, рекламы и пр., они, с одной стороны, окружили страну настоящей защитной стеной, через которую пропускают исключительно то, что соответствует их замыслам; с другой стороны, они используют все средства для развития и поддержания удивительно мощной индустрии одурачивания, трюкачества, показухи и мистификации.

Их лживая всемирная пропаганда не знает себе равных по масштабам и интенсивности. На нее тратятся значительные средства. Пускать пыль в глаза — одна из основных задач государства большевиков. Газеты, журналы, брошюры, книги, фотографии, кино, выставки, демонстрации, «свидетельства» и т. д. — используются все средства, одни обманчивее других.

Бесспорно, советское правительство прямо или опосредованно передает значительные средства за рубеж. Например, среди «друзей СССР» есть писатели, которые стали «друзьями» лишь потому, что это позволяет им издавать свои произведения в СССР и пользоваться другими преимуществами, которые дает такая «дружба».

Словесного надувательства недостаточно, правительство большевиков хорошо организовало пропаганду *делами*.

Никто не может приехать в СССР без специального разрешения, которое очень трудно получить — нужно, по крайней мере, предоставить определенные гарантии симпатии по отношению к режиму. Никто не может ни свободно передвигаться по стране, ни независимо изучать то, что его интересует. Зато правительство терпеливо и тщательно возводит пышные декорации. Оно нагородило целую кучу обещаний и демонстрирует ее обманутому миру при каждом удобном случае. Для этого служат «рабочие делегации», которые время от

времени проводят по несколько недель в России, гнусно одураченные (если их члены искренни). То же самое относится к подавляющему большинству «туристов», которые проезжают по стране под бдительным взором филеров, не в состоянии понять, что на самом деле творится вокруг них.

Заводы, колхозы, школы, музеи, столовые, стадионы, места развлечений и отдыха и т. д. — все готовится заранее, в определенных местах и обставлено таким образом, что бедный путешественник «восхищен», не подозревая об обмане.

И даже когда он видит что-то действительно доброе и прекрасное, то даже не задумывается, что это касается лишь *10 миллионов привилегированных*, а не 160 миллионов эксплуатируемых «работяг».

Если буржуазия других стран прибегает к «промыванию мозгов», то большевизм использует такое «сверхпромывание», что до сих пор, несмотря на множество искренних свидетельств, миллионам трудящихся всех стран неизвестна правда об СССР.

Перейдем к другим достижениям.

Мы уже знаем, что большевистскому государству с удивительной быстротой удалось создать и взрастить *чудовищную бюрократию*, не знающую равных, которая сегодня образует привилегированную, «аристократическую» касту численностью примерно 2 миллиона человек.

С другой стороны, оно сумело разделить население «социалистического» государства на несколько категорий (по меньшей мере, на 20) наемных работников. В частнокапиталистических **странах никогда не было такого социального неравенства. Самые низшие категории получают от 100 до 150 рублей в месяц. Высшие — 3000 рублей и более**[55].

В СССР существует *государственная буржуазия*, которая живет на широкую ногу, владеет роскошными виллами, машинами, использует слуг и т. д.

Большевистскому государству удалось военизировать саму правящую партию, сформировав, в особенности из комсомольцев, «части особого назначения», нечто вроде жандармерии или мобильной гвардии. Это с их помощью правительство большевиков подавило революционное восстание в Кронштадте в 1921 году и, когда возникает необходимость, беспощадно топит в крови забастовки, манифестации и мятежи, которые время от времени происходят в стране и о которых большевистская печать, естественно, не говорит ни слова.

Скованная, выхолощенная, бюрократизированная, обуржуазившаяся, ангажированная, извращенная и окаменевшая — русская Революция не в силах была *самостоятельно* охватить весь мир. В конечном итоге большевики это поняли. А еще они поняли, что рано или поздно, но практически неизбежно им придется защищать свою систему — не только от «внутреннего врага», но и от всего мира, — причем зачастую с помощью того же метода, который использовался внутри страны: *вооруженного насилия*.

С тех пор они неумолимо ковали необходимый для этого инструмент — *мощную современную армию*.

На оборону стала работать значительная часть добывающей и тяжелой промышленности. В итоге была создана регулярная армия, построенная по образцу всех армий мира — механически дисциплинированная, слепо преданная Власти, со своими чинами и регалиями, хорошо накормленная, одетая и снабженная оружием последних модификаций.

Эта армия стала значительной силой.

Большевизм смог наконец создать мощную полицию, не только криминальную, но и тайную, которая, быть может, является лучшей в мире, ибо ей по сей день удается держать в повиновении угнетенное, обманутое, эксплуатируемое, нищее население. В частности, он возвел *стукачество* в ранг гражданской добродетели. Каждый член коммунистической партии — то есть всякий лояльный гражданин — призван помогать ГПУ, сигнализировать о подозрительных явлениях, следить, доносить.

Наконец, Власти большевиков удалось превратить в *законченных рабов* 160 миллионов человек, чтобы в один прекрасный день привести их — не иначе как через рабство — к свободе, процветанию и *подлинному коммунизму*. А пока, со своей бюрократизированной администрацией, полностью огосударствленной экономикой, профессиональной армией и всесильной полицией, эта Власть создала *совершенное бюрократическое, военное и полицейское государство* — образец «*тоталитарного режима*»; ни с чем не сравнимый механизм господства и эксплуатации; настоящее *капиталистическое государство*.

Эти его «подвиги» и «достижения» бесспорны.

Что сказать о других?

Прежде всего следует отметить, что, по признаниям самих советских властей, *признаниям вынужденным, косвенным, но довольно ясным*, три основные задачи капиталистического государства:

Пресловутая «индустриализация» страны,

Знаменитые «пятилетние планы»,

Грандиозная «коллективизация сельского хозяйства» -

потерпели полное фиаско.

Конечно, в страну импортировали большое количество разнообразных станков, аппаратов и машин; в отдельных больших городах возвели современные дома, а кое-где жилье для рабочих, впрочем, плохого качества; завершили, с помощью зарубежных инженеров и технических специалистов, несколько великих строек, таких, как плотину ДнепроГЭСа, доменные печи Магнитогорска, большие машиностроительные предприятия Свердловска, знаменитый Беломорско-Балтийский канал и др.; наконец, после прекращения в грозные

годы, возобновили выработку руды, добычу нефти, регулярную работу заводов. Это сделал бы любой режим в любой стране под угрозой исчезновения. Для нас проблема стоит совершенно иначе.

Можно ли видеть во всем, что сделано большевистским государством, подлинные достижения, которые нас интересуют? Можно ли констатировать действительный *общий прогресс в стране*, который повел бы ее по пути *социального и культурного освобождения трудящихся масс*, по пути социализма, коммунизма? Создало ли правительство большевиков необходимые условия для подобного развития? Действительно ли оно осуществило попытку построения нового общественного устройства? Вот в чем вся проблема.

Индустриализация страны может быть продуктивной и прогрессивной, только если она соответствует общему и естественному развитию последней; она может быть общественно полезной, только если находится в гармонии с экономической жизнью в целом, следовательно, если ее результаты приносят пользу населению. В противном случае она приводит к строительству, возможно, впечатляющему, но *общественно бесполезному*.

Можно построить все, что угодно, если имеются определенные средства и, главное, рабочая сила, которой государство-хозяин управляет по собственному усмотрению и платит сколько хочет. Проблема, однако состоит не в том, чтобы продемонстрировать технические и другие достижения, а в том, чтобы поставить их на службу заданной цели.

Но форсированная индустриализация, навязанная совершенно не готовому к ней народу, не может выполнять эту основную роль. Индустриализировать сверху страну, трудящееся население которой является всего лишь угнетенным, инертным и несчастным стадом — все равно, что индустриализировать пустыню.

Чтобы действительно индустриализировать страну, необходимо наличие в ней двух основных элементов: либо энергичной, мощной и богатой *буржуазии*, либо *народа-хозяина своей судьбы*, то есть свободного, сознательного в своих потребностях и действиях, стремящегося к прогрессу и решившегося самоорганизоваться ради его осуществления. В первом случае буржуазия должна располагать рынком, способным быстро усвоить плоды индустриализации. Во втором это усвоение и индустриализация обеспечиваются мощным порывом всего населения на пути к прогрессу.

Русская революция уничтожила буржуазию. Таким образом, первое условие отсутствовало. Оставалось второе. Необходимо было открыть путь *коллективному развитию* стосемидесятимиллионного народа, *спонтанно готовому* к осуществлению грандиозного социального эксперимента: строительству общественного устройства на абсолютно новых, некапиталистических и негосударственных основах. Нужно было просто помочь народу осуществить этот эксперимент. Поскольку в мире был достигнут огромный технический прогресс, поскольку имели место быстрая индустриализация и товарное изобилие, не существовало непреодолимых препятствий на пути огромных человеческих коллективов, охваченных небывалым порывом и поддержанных всеми зрелыми силами общества, к реализации своих стремлений. И кто знает, каким бы стал тогда наш мир?

Большевицкая партия ничего этого не поняла. Захватив вакантный престол, она захотела подменить собой утратившую значение буржуазию и свободные народные массы. Она уничтожила два необходимых условия, чтобы заменить их третьим: *диктаторской Властью*, удушившей Революцию — мощный порыв миллионов людей к своей цели, Властью, перекрывшей все живые источники подлинного прогресса и преградившей путь подлинному развитию общества. Результат этой ошибки был предопределен: безжизненные, бездушные, разрушительные «механизмы».

Сегодня, основываясь на точных и неопровержимых фактах, мы знаем, что, за исключением оборонной промышленности, в подавляющем большинстве случаев большевицкая «индустриализация» вылилась в разного рода бесплодные стройки — особенно это касается подлинного экономического, социального и культурного развития народа.

Мы знаем, что три четверти «грандиозных» строек остаются бесцельными, не работают или работают плохо.

Мы знаем, что тысячи станков, импортированных из-за границы, в большинстве своем быстро вышли из строя, брошены, забыты.

Мы знаем, что рабочие в СССР — которые представляют собой лишь забитое стадо рабов, трудящихся через силу на государство-хозяина, — не умеют ими пользоваться, и *народу* они ничего не дают. Только *военная промышленность* в определенной степени извлекает из них пользу.

Мы знаем, что народ — 160 миллионов человек из 170 — живет в ужасающей нищете и моральной забитости.

Так называемая «индустриализация» в СССР — не подвиг; она не является «достижением социалистического государства»; это *затея государства-хозяина*, вынужденного после краха «военного коммунизма» и нэпа разыграть свою последнюю карту. Его цель — успокоить своих подданных, а также наивных людей за границей в надежде «продержаться до лучших времен».

«Индустриализация» в СССР — *блеф* и ничего более.

«Пятилетние планы» — также блеф, вытекающий из предыдущего. Зная точные цифры и факты, мы утверждаем, что эти планы полностью провалились, что уже начинают понимать почти повсюду[56].

О «коллективизации» мы уже говорили достаточно и не будем повторяться. Читателю известно, что она собой представляет на самом деле. Такая «коллективизация» не решает аграрный вопрос. Она далека от того, чтобы считаться социалистическим и даже социальным «достижением». Эта система бесполезного и абсолютно бесплодного насилия. Мы считаем, что подобным возвращением к средневековому крепостному праву, где государство является феодалом, крестьянина невозможно привлечь на сторону Социальной Революции.

Можно ли построить на этих основах не социализм, а хотя бы здоровую и прогрессивную экономику?

Рассмотрим некоторые факты и цифры.

Пятилетние планы. — В 1939 году в СССР были объявлены результаты *третьей пятилетки*.

В ходе двух первых советские газеты постоянно жаловались на значительное отставание в выполнении планов. Добыча руды и каменного угля, эксплуатация нефтяных скважин, металлургическая, текстильная промышленность, тяжелая индустрия в целом, прокладка железнодорожных путей и улучшение их качества — короче, все отрасли экономики сильно отставали от намеченных предписаний. Одна пятилетка сменялась другой, а отставание все нарастало.

Гениальный диктатор свирепствовал, карал, казнил.

И вот в серии статей, опубликованных в августе-ноябре 1939 г., «Известия» вынуждены косвенно признать провал третьей пятилетки. Газета констатирует, что выработка стали и чугуна в октябре 1939 г. оказалась ниже, чем в соответствующий период 1938 г., причем и тогда она не достигала плановых показателей; что снизилась производительность во всех отраслях металлургии; что многие доменные печи прекратили работу из-за нехватки угля и металла.

Ситуация становится до такой степени критической, что начиная с сентября советская печать *перестает публиковать ежемесячные отчеты*.

По данным советской прессы, в ходе первых двух пятилеток локомотивные заводы выполнили лишь пятьдесят процентов плана.

Загрузка вагонов увеличилась, но не достигла плановых показателей.

Такие легендарные предприятия, как «Днепрострой» и Магнитогорск, работают плохо. Многие из них переживают периоды вынужденного бездействия.

Грандиозные проекты электрификации осуществлены лишь в незначительной степени.

В мае 1939 г. народный комиссар Косыгин заявляет, что текстильные предприятия слабо обеспечены оборудованием и технически неспособны работать в необходимых масштабах. Кроме того, он жалуется на отсутствие связей между текстильной промышленностью и производителями сырья. «Положение с количеством и качеством льноволокна на сегодняшний день остается неудовлетворительным, — добавляет он. — Некоторое количество льна и конопли осталось неубранным и необработанным, испортилось или вовсе погибло... Из-за пониженного качества шерсти промышленность Наркомтекстиля ежегодно имеет потерь около 48 миллионов рублей... Недостаточно еще внимание советских и земельных органов на местах к заготовкам [шелковичных] коконов и сохранению их качества»[57].

Можно привести множество точных фактов и цифр по всем отраслям, извлеченных из большевистской печати и неопровержимо доказывающих крах «пятилетних планов».

«Индустриализация». — Примеров плачевного состояния всех отраслей советской промышленности столько, что трудно даже выбрать наиболее характерные.

По свидетельству «Известий» (несколько статей за январь 1940 г.), в угольной промышленности не умеют использовать новую технику. Это является одной из причин низкой производительности труда.

30 июля 1939 г. отмечался «День железнодорожного транспорта», что нашло отражение в советских газетах. Эти публикации исключительно показательны.

В целом заводы поставляют рельсы в недостаточном количестве и плохого качества.

В СССР их производят четыре больших завода. Некоторое время назад эти заводы перестали выпускать высококачественные рельсы. Таким образом, железнодорожники вынуждены довольствоваться продукцией второго и третьего сорта. Более того, 20 % ее не годны к употреблению.

В июле 1939 г. в разгар ремонта железнодорожных путей Кузнецкий завод резко прекращает отгрузку рельс. Причина? Нехватка сверлильных станков.

Не поступает вообще необходимых запчастей, в результате работа прекращается.

Три больших завода, выпускающие запчасти для железных дорог, часто простаивают из-за нехватки стали, оборудования или по другим причинам. В числе прочего приводится пример, когда на одном заводе не хватило всего лишь около 3 тонн металла. Тем не менее выпуск продукции *был приостановлен* и железные дороги недополучили *миллион* новых запчастей.

Очень часто заводы выпускают одни детали и не производят другие, столь же необходимые. Например, произведенные рельсы валяются на земле и ржавеют из-за отсутствия костылей.

Власти могут свирепствовать сколько угодно. Правительство может давать сигналы SOS и искать «виновных», все это ни к чему не приводит, и официальные доклады вынуждены время от времени констатировать, что одной из причин имеющихся недостатков является «отсутствие всякой заинтересованности, увлечения работой у трудящихся масс». По признанию компетентных органов, безразличие рабочих граничит с саботажем.

Много говорится о «перегибах централизации», «бюрократизме», «всеобщей бесхозяйственности».

Но *словами* положения не исправить. Средств же для этого не имеется. Значит, виновата вся система.

По данным советской печати, добыча руды и нефти в целом страдает от *неорганизованности*. Производительность в этих отраслях остается низкой, несмотря на использование техники (впрочем, зачастую в весьма плачевном состоянии) и все официальные меры. «Правда» в декабре 1939 г. констатирует, что производительность нефтяных скважин на Урале постоянно снижается.

В то же время газеты жалуются на полную неразбериху в химической промышленности.

Мы узнаем, что завод «Красный Пролетарий», который, согласно «Правде», находится в авангарде металлургической промышленности СССР, «из-за величайшего технического и административного беспорядка» производит лишь 40 % продукции от запланированного количества.

Подобные примеры можно приводить до бесконечности.

Положение во всех отраслях советской промышленности всегда было и по сей день остается плачевным. Индустриализация является сплошным мифом. Есть *техника*, но нет подлинной *индустриализации*.

Показательными фактами, приводимыми советской печатью, можно было бы заполнить целые тома.

Приведем некоторые из них, взятые наугад из российских газет:

8 августа «За социалистическое земледелие» констатирует, что повсюду урожаем собирается с большим опозданием, часто несобранное погибает на полях. По данным сельскохозяйственного отдела ЦК партии, основная причина этого — *нехватка технических средств*, вызванная, в свою очередь, *небрежностью, дезорганизацией, бесхозяйственностью и всякого рода задержками*.

Так, например, необходимые запчасти для сельхозмашин поступают с опозданием или в недостаточном количестве.

Строительство ремонтных мастерских повсюду задерживается. Например, строительное управление, призванное построить к определенной дате 300 мастерских, завершило строительство лишь... 14! Другое построило 8 из 353 обещанных и т. д. В Курской области завершено строительство только 3 мастерских из 91 запланированной.

С другой стороны (опять-таки по данным газеты), возникают трудности и непосредственно при сборе урожая, так как этим летом (1939 г.) значительная часть пшеницы полегла из-за плохих погодных условий. Однако указаний о том, как приспособить комбайны к сбору полегших зерновых, дано не было.

- Наконец, продолжает газета, в этом году значительно сократилось число квалифицированных сельскохозяйственных рабочих, поскольку во многих местах механикам и трактористам не заплатили еще за прошлый год. Причина? Эти рабочие получают зарплату после того, как колхозы осуществят всех свои платежи.

Но кое-где последние еще ничего не выплатили.

«Известия» и «За социалистическое земледелие» констатируют, что из-за всех этих «затруднений» в 1939 г. было убрано на 64 миллиона гектара зерновых меньше, чем в 1938-м.

В ноябре 1939 г. советская печать жалуется на значительное отставание в сборе картофеля и других овощей. Причины? Нехватка людей, лошадей и солярки, а главное, бесхозяйственность колхозников.

«Известия» от 4 ноября 1939 г. признают, что к 25 октября совхозы сдали только 67 % зерна от запланированного, колхозы — всего лишь 59 %; на тот же день колхозы сдали государству только 34 % картофеля и 63 % овощей.

В июле 1939 г. Съезд животноводов, состоявшийся на Украине, констатирует: 1) многие колхозы не имеют вообще никакого скота (45 % в Киргизии, 62 % в Таджикистане, 17 % в Рязанской области, 11 % в Кировской области, 34 % на Украине и т. д.); 2) численность поголовья скота в некоторых колхозах крайне низка: так, на Украине в почти половине колхозов менее 10 коров («только чтобы немного пахло коровами», — пошутил докладчик); 3) что поголовье скота в СССР после коллективизации в целом значительно сократилось.

Самое любопытное, что, как и почти везде, не было сделано ни одного здорового, реального и эффективного предложения.

Стоит ли продолжать?

Эти явления, признания и жалобы не прекращаются уже двадцать лет. Их можно было бы перечислять до бесконечности.

В СССР им уделяют некоторое внимание. Люди в какой-то степени приноравливаются к требованиям властей и... «выкручиваются как могут».

За рубежом вплоть до последнего времени об этом ничего не знали. Теперь правда постепенно становится известной. Чтобы составить полное представление о происходящем, следует обратиться к многочисленным трудам, посвященным этой проблеме и содержащим немало фактографии.

Мы же ограничились тем, что привели некоторые факты и цифры, позволяющие читателю полнее представить себе ситуацию для ответа на фундаментальные вопросы, которые нас интересуют. Главная тема нашей работы не позволяет нам надолго на этом задерживаться.

Однако нельзя не отметить один важный факт советской действительности.

Последние меры, принятые большевистским правительством для стимуляции деятельности колхозов, представляются весьма типичными.

Уже летом 1939 г. некоторые печатные органы, например, «Партийное строительство», № 10, констатировали, что основная беда советской системы — «слабая заинтересованность колхозников в качественной работе и достижении хороших урожаев». По сигналу сверху пресса принялась муссировать эту тему.

Некоторое время спустя, в январе 1940 г., «Известия» заявляют, что «партия и правительство» приняли решение стимулировать экономическую заинтересованность колхозников. С этой целью, говорилось в газете, отныне «Каждый колхозник должен быть уверен, что излишки собранного им урожая останутся в распоряжении колхоза и послужат улучшению работы хозяйства»[58]. *(То есть раньше этого не было.)* И добавлялось, что очень важно «развивать творческую инициативу колхозных масс».

Наконец, приказ ЦК партии и Совета Народных Комиссаров от 18 января 1940 г. предоставил колхозам некоторую экономическую независимость. Каждый колхоз получил право самостоятельно устанавливать план посевных (который, разумеется, в обязательном порядке «утверждается официальными властями»).

Само собой разумеется, этот своего рода колхозный нэп останется только на бумаге. Он представляет собой лишь маневр правительства, вызванный, главным образом, его неудачами в финской войне и практически не соответствующий сложившейся в стране ситуации. Впрочем, крестьянская масса прекрасно поняла суть этой очередной махинации: «реформа» была встречена полным безразличием.

Мы считаем, что этот эпизод ярко характеризует сущность большевистской «коллективизации».

Напомним, что в целом так называемая принудительная «коллективизация», предпринятая с целью полностью подчинить крестьян государству и представляющая собой новую форму крепостничества, трещит по всем швам. Она не привела к прогрессу. Ее крах очевиден. То, что мы видим, не оставляет в этом никаких сомнений.

Впрочем, даже советская печать вынуждена все больше говорить о серьезной борьбе между «частным» и «социалистическим» секторами в сельском хозяйстве СССР. Оно заброшено, почти открыто саботируется крестьянами при любой возможности и множеством различных способов. В итоге положение оценивается как «очень серьезное». Ряд очевидных уступок представляет собой попытки пробудить у колхозников заинтересованность в своем колхозе и преодолеть тенденции, противоречащие ей.

Нет ни малейшего сомнения, что попытки эти потерпят крах. Борьба крестьянина против крепостничества продолжится.

Оставим «материальную» — экономическую, промышленную, техническую — сферу. Перейдем к области, которую можно назвать «духовной».

Главным образом уточнения требуют следующие три пункта:

1) Проблема народного образования и просвещения;

2) Освобождение женщины;

3) Религиозная проблема.

К сожалению, я не смогу подробно остановиться на каждом из них. Подобная задача потребовала бы слишком много места и не является целью нашей работы. Ограничимся констатацией некоторых основных особенностей.

Образование и просвещение. — Многие годы несведущие и пристрастные люди утверждают, что большевики заставили совершенно непросвещенную, почти «дикую» страну сделать «гигантский шаг» по пути общей культуры, образования и просвещения.

Иностранные путешественники, посетившие тот или иной город, говорят нам о чудесах, которые «видели своими глазами».

Разве не приходилось мне слышать убежденное мнение, что до большевиков «почти не было школ для народа», и что сегодня «великолепные школы построены почти повсюду»? Разве не слышал я заявления, что «до Революции в стране было только два или три университета, а большевики создали их чуть ли не в каждом крупном городе»? Разве не говорят, что до прихода к власти большевиков почти весь русский народ не умел ни читать, ни писать, и что теперь неграмотность почти преодолена? Разве нельзя услышать — я привожу этот случай как пример невежества и глубоких заблуждений на счет России, — что царские законы запрещали рабочим и крестьянам доступ в средние и высшие учебные заведения?

Что касается путешественников, понятно, что они могли видеть в больших городах СССР несколько красивых современных школ, хорошо оборудованных и организованных: прежде всего потому, что подобные образцовые школы являются одной из принадлежностей всех больших городов мира (путешественник мог обнаружить их и в царской России); затем потому, что строительство таких школ является частью показательной программы правительства большевиков. Но ясно, что ситуация в нескольких крупных городах не имеет ничего общего с положением вещей *в стране*, особенно в такой огромной, как Россия. Путешественник, который хотел бы составить себе более менее правдивое представление, должен многое увидеть и следить день за днем, по меньшей мере, на протяжении нескольких недель, за развитием ситуации в глубинке: в маленьких городах, бесчисленных деревнях, колхозах, на заводах, удаленных от крупных центров, и т. д. Какому путешественнику пришла в голову подобная мысль, кто получил на это разрешение и возможность?

А что касается мифов, о которых я говорил выше, оценка им дана в других частях нашей работы.

Никто не будет утверждать, что народное образование и просвещение получили в дореволюционной России достаточное развитие. (Впрочем, в то время это можно было отнести ко всем странам. Различия — лишь в деталях и нюансах.) Никто не будет спорить, что в царской России было еще очень много людей, не умевших ни читать, ни писать, и что народное образование в ней сильно отставало по сравнению с некоторыми западными странами. Но между этим и заявлениями, которые я приводил выше, есть большая разница.

Установить правду несложно.

С одной стороны, сеть начальных, средних и высших школ в дореволюционной России, не будучи достаточной, являлась довольно впечатляющей. Хуже обстояло дело с преподаванием как таковым: его программы и методы оставляли желать лучшего. Естественно, правительство мало заботилось о подлинном образовании народа. А что касается земств и частных лиц, находившихся под наблюдением властей и вынужденных следовать официальным программам, ни те, ни другие не могли достичь значительных результатов, хотя отдельные успехи имели место.

С другой стороны, «огромный прогресс», осуществленный большевиками в сфере просвещения, на деле оказывается весьма посредственным.

Чтобы понять это, достаточно, опять же, внимательно следить за советской прессой.

И здесь многолетние жалобы и признания говорят сами за себя.

Остановимся на нескольких недавних публикациях.

Согласно общим заявлениям и официальным цифрам, масштабы образования в СССР более чем достаточны. Число учеников начальных и средних школ в 1935-36 гг. достигало впечатляющей цифры в 25 миллионов; число студентов вузов составляло 520.000. В 1936-37 гг. соответствующие показатели возросли до 28 миллионов и 560.000. Наконец, в 1939 г. («Правда» от 31 мая) — 29,7 миллиона и 600.000. Около миллиона учащихся получало техническое образование: промышленное, торговое, сельскохозяйственное и пр. В стране широко распространены курсы для взрослых. Жажда знаний очень велика.

Естественно, что правительство, рожденное Революцией и считающее себя народным, стремится удовлетворить стремление народа к получению хорошего образования. Совершенно нормально, что правительство это проводит радикальную реформу системы образования. Так поступило бы всякое послереволюционное правительство.

Чтобы со знанием дела оценить работу правительства большевиков, официальных количественных показателей недостаточно.

Подлинная проблема в том, каково *качество* этого нового образования.

Следует задаться вопросом, удалось ли правительству сделать образование *хорошим, достойным, глубоким, основательным*.

Необходимо знать, способны ли просвещение и образование в СССР *сформировать* строителей новой жизни, борцов за дело социализма.

На этот вопрос сама советская печать уже многие годы отвечает отрицательно.

Но прежде всего констатируем, что образование в СССР доступно не всем. Действительно, высшее образование не всегда является бесплатным (см.

сталинскую «Конституцию», ст. 125). Большинству студентов государство **выплачивает стипендии**. А остальные? Таким образом, многие молодые люди лишены возможности получить высшее образование, которое становится **привилегией, раздаваемой правительством по своему усмотрению**[59].

И это не самый большой недостаток.

Многие годы колонки советских газет заполняют одни и те же утверждения и жалобы.

1) До сих пор не хватает *школьных учебников*. Этому препятствуют бюрократия, централизация, административная медлительность и т. п.

Председатель Комитета по делам высшей школы некий Кафтанов в своей речи («Правда» от 31 мая 1939 г.) был вынужден признать, что в вузах ощущается тотальная нехватка учебников. Небольшое количество в 1939 г. удалось наконец напечатать. Но значительная часть их представляет собой перепечатки учебников дореволюционных.

2) Из года в год то самое отмечается в отношении *школьных наглядных пособий*. Их нехватка или очень плохое качество серьезно затрудняют процесс обучения.

3) Количество *школьных помещений* совершенно недостаточно. Оно растет крайне медленно, значительно препятствуя развитию народного просвещения. Более того, имеющиеся здания находятся в очень плохом состоянии, а недавно построенные — непременно в спешке и небрежно — непригодны и быстро разрушаются.

Однако и это не самые большие недостатки.

Дело просвещения в СССР парализует гораздо более глубокое зло — *нехватка учителей и преподавателей*.

Начиная с 1935 года «Известия», «Правда» и другие советские газеты полны сетований по этому поводу.

Согласно им, подготовка преподавательских кадров совершенно не отвечает потребностям страны. Например, в 1937 г. было подготовлено только 50 % преподавателей от запланированного.

На местах не хватает сотен и тысяч учителей.

Это не все. Учителя не имеют достаточной подготовки. Так, две трети преподавателей средних школ не получили высшего образования. Точно так же две трети учителей начальных школ не имеют образования среднего.

Советская печать горько сетует на *крайнее невежество* учителей и приводит множество ошеломляющих примеров их непригодности и некомпетентности.

Короче — и *по правде* — говоря, состояние образования и просвещения в СССР плачевно.

За пределами больших городов и их искусственного благополучия не хватает ни учебников, ни наглядных пособий, ни школ, ни учителей. Школы расположены в непригодных помещениях, зачастую без отопления и соблюдения норм гигиены.

Народное образование в глубинке невероятно запущено. Там царит абсолютный хаос.

Не являются ли в таких условиях «90 % грамотного населения» очередным мифом?

Сама советская печать дает ответ на этот вопрос. Из года в год она констатирует отсутствие элементарных знаний и крайне низкий культурный уровень не только народных масс, но и учащейся молодежи, студентов, учителей и преподавателей.

Усилия правительства по исправлению такого положения вещей ни к чему не приводят. *Сама большевистская система* представляет собой непреодолимое препятствие на пути реального улучшения ситуации.

Препятствием является и *направленность* всей системы образования в СССР. Это скорее *пропаганда*, нежели образование. Учащимся вбивают в головы догмы большевизма и марксизма. *Не допускается никакая инициатива, никакой критический настрой, никакая свобода сомнений и исследований.*

Все образование проникнуто духом *схоластики* — мрачным, суровым, окаменевшим.

Полное отсутствие всякой свободы мнений, дискуссий и независимости поступков, то есть какого бы то ни было идейного обмена в стране, где допускается лишь одна марксистская догма, делает невозможным подлинное образование и просвещение народа.

Путешественники — наблюдатели исключительно поверхностные и зачастую наивные — восхищаются культурными и спортивными учреждениями, которые видели «своими глазами» во время кратких официальных визитов в Москву, Ленинград и два или три других города.

Но вот что мы читаем, например, в № 168 газеты «Труд» (июль 1939 г.).

Шахтеры Донбасса ставят перед властями следующий вопрос (редкое явление — документ опубликован):

Какая польза от вычетов из их зарплаты, направленных на содержание «Дворца культуры» в Горловке (промышленный поселок в Донецкой области)?

В текущем 1939 г., говорят шахтеры, на это было выделено несколько миллионов рублей. Один бюджет «Шахтерского клуба» составляет 1.173.000 рублей. Из указанной суммы более 700.000 выплачено кинематографической промышленности за прокат фильмов, на которые никто не ходит из-за их плохого качества. Еще 400.000 рублей уходят на оплату персонала. А шахтеры ничего не имеют с тех денег, которые вынуждены выплачивать.

«Дворец культуры», продолжают шахтеры, окружен садом, торжественно именуемым «парком». Из зарплаты шахтеров удерживается значительная сумма денег на уход за этим садом. На их средства построили огромные ворота и несколько бетонных будок. Но обнести «парк» стеной забыли. Так что сад стоит с помпезными воротами, но без ограды. Туда никто не ходит, потому что он пребывает в запустении. Однако в нем построили летний театр, эстраду, тир, даже душевые. Ничего из перечисленного не работает, а лишь демонстрирует шахтерам беззастенчивость, с которой ответственные руководители рабочих организаций распоряжаются деньгами рабочих. Внутри «парка» эти руководители устроили для себя небольшой садик — интимный уголок, названный «садом парткома шахты». А рабочим, оплачивающим и «Дворец», и «Клуб», и «Парк», и «Сад парткома», остаются пыльные улицы Горловки.

Чудом заявление шахтеров попало на страницы газеты. По ряду причин можно предположить, что власти не смогли им отказать в этой публикации, и наверху было решено удовлетворить их требование и применить санкции. Но можно быть уверенным, что тысячи подобных случаев остаются неизвестными публике.

Удушающий догматизм; отсутствие всякой независимой личной жизни, всякого свободного стремления, всякого душевного порыва, обширных и привлекательных перспектив; царство казарменного духа, непробиваемого бюрократизма, пошлого раболепия и карьеризма; отчаянная монотонность мрачного и бесцветного существования, вплоть до мельчайших деталей определенного государственным предписанием — таковы основные черты сферы образования, просвещения и «культуры» в СССР.

Что же удивительного в том, что, согласно «Комсомольской правде» (см., например, номер за 20 октября 1936 г.), учащая молодежь охвачена глубоким разочарованием и «опасной» скукой? Сама атмосфера угнетает молодых.

Судя по некоторым признаниям, появившимся в советской печати, многие студенты посещают занятия вынужденно, без подлинного интереса.

Большое число студентов проводит ночи за игрой в карты.

В дневнике молодого студента были обнаружены следующие строчки:

«Мне скучно. Мне ужасно скучно. Ничего выдающегося и примечательного: ни в людях, ни в событиях. Что меня ждет? Хорошо, я закончу учебу. Хорошо, я стану инженером, может быть, прекрасным инженером. У меня будет две комнаты, глупая жена, умный ребенок и 500 рублей зарплаты. Два собрания в месяц и т. д. А потом?... И когда я спрашиваю себя, не жаль ли мне будет расставаться с такой жизнью, я отвечаю: нет, я расстанусь с ней без большого сожаления».

Освобождение женщины. — Поднято много шума вокруг «освобождения женщины большевиками». Подлинное равенство полов, отмена законного брака, свободный союз, свобода женщины распоряжаться своим телом и право на аборт — эти «достижения» правительства большевиков воспевались и прославлялись «прогрессивной» прессой всех стран, без малейшей попытки тщательного исследования проблемы на месте.

Все это также относится к области мифов.

Читатель знает, что идеи равенства и свободы полов, со всеми практическими последствиями, которые из них вытекают, выдвигались передовыми кругами в России очень давно — задолго до Революции. Любое рожденное Революцией правительство вынуждено было бы считаться с ними, узаконить такой порядок вещей. В этом завоевании нет ничего «большевистского». Заслуга большевиков занимает здесь весьма скромное место.

Бесспорно, что большевистское правительство захотело реализовать провозглашенные принципы. Но опять-таки основной вопрос в том, *удалось ли это ему*. И вновь мы могли бы заполнить целые страницы реальными фактами, показывающими, что и здесь оно потерпело позорный провал, и что сама система вынудила правительство повернуть назад, оставив лишь легенду и блеф.

Прежде всего, законный брак в СССР не отменен: он *упрощен* или, скорее, стал гражданским, в то время как до Революции венчание было обязательным. То же самое относится к разводу, который регламентируется рядом финансовых условий, принудительных мер и пр. (см., например, «Известия» от 28 июня 1936 г.).

При изучении регистрации браков обнаруживается значительный процент союзов между очень молодыми женщинами и пожилыми, но хорошо оплачиваемыми мужчинами. Это доказывает, что в СССР, как и повсюду — и, быть может, чаще, чем повсюду, — брак является *«делкой»*, а не свободным союзом по любви, как большевики хотели бы заставить поверить. И это совершенно естественно для капиталистической системы, которая сохранилась, приняв иную форму. Ее сущность и проявления остались прежними.

Потерпев неудачу в попытке построить «социалистическое государство» и построив государство капиталистическое (а иное *государство* и не возможно), большевики оказались вынуждены отступить назад в том, что касается отношений полов (семья, дети и т. д.).

Иного пути не было. Эту сферу невозможно изменить, *если только все общество кардинально не меняется*. Если общество не обновляется полностью, если оно только меняет форму, все нравы, в том числе отношения между полами, семья, дети, так же лишь изменяют *форму*: по сути они остаются такими же отсталыми, как и прежде.

Так и произошло в СССР.

Начиная с мая 1936 г. все «прекрасные идеи», все передовые принципы» были постепенно отброшены. Вышел ряд законов, регламентирующих брак, развод, ответственность супругов и т. д.

Это законодательство просто восстановило, хотя и в новых формах, институт «буржуазной семьи».

Женщине вновь запретили свободно распоряжаться своим телом. Право на аборт было сильно ограничено. Сегодня (см. закон мая 1936 г. и последующие указы) аборт допускается лишь в исключительных случаях, по показанию врача или в строго определенных ситуациях.

Нелегальный аборт и даже *совет* сделать аборт достаточно сурово наказываются.

В СССР широко распространена проституция. Чтобы убедиться в этом и осознать падение «советских» нравов в целом, достаточно регулярно и внимательно читать ежедневную хронику, корреспонденции с мест и другие подобные разделы в советской печати.

Что касается «равенства полов», это принцип довольно давно был провозглашен российскими передовыми кругами, и большевики, разумеется, взяли его на вооружение. Но, так же как и другие прекрасные социальные и нравственные принципы, он был извращен, когда Революция отклонилась от своего пути. Конкретно, в СССР существует «равенство» в *труде*, но не в *зарплате*. Женщина работает столько же, сколько и мужчина, но получает меньше. Такое «равенство» позволяет государству эксплуатировать женщину еще сильнее, чем мужчину.

Религия. — На этой важной теме следует остановиться.

Утверждают, что большевизм победил религиозные предрассудки. Это ошибка, причиной которой является, опять-таки, незнание конкретных фактов.

Террористическими мерами большевикам удалось подавить *отправление религиозных культов*. Что же касается религиозных *чувств*, они вовсе не исчезли, своими методами и «подвигами» большевизм, вопреки пропаганде, у одних только усилил их, а у других просто трансформировал.

Добавим, что уже до Революции, особенно после 1905 года, религиозные чувства в народных массах пошли на спад, что серьезно обеспокоило попов и царские власти. Большевизму же удалось оживить их в иных формах.

Религия будет уничтожена не террором, не пропагандой, а реальными успехами подлинной Социальной Революции. Антирелигиозные семена, упавшие в плодородную почву этих успехов, принесут прекрасный урожай.

Что ж, о социальных «достижениях» достаточно.

Часто мне приходится слышать, что большевистское правительство *сделало все, что могло* для выполнения той или иной задачи и что *не его вина*, если усилия его не увенчались полным успехом.

Именно: чем больше доброй воли будет выказывать правительство большевиков, тем яснее окажется, что подлинная Социальная Революция и подлинный социализм несовместим с правительственной и государственной системой.

«Коммунистическое правительство проявило всю свою добрую волю, чтобы добиться успеха», — говорят нам.

Не буду спорить. Но проблема не в этом. Речь идет не о том, чтобы выяснять, *хотело ли* большевистское правительство сделать что-нибудь или *нет*. Необходимо знать, *удалось ли*

это ему. Вот в чем весь вопрос.

По мере того, как будет видно, что правительству, *несмотря на всю проявленную добрую волю, не удалось достичь поставленных целей*, станет ясно, что *иначе и быть не могло*.

«Правительство не могло сделать большего».

Но тогда почему оно не давало действовать другим? Если оно понимало, что бессильно, оно не имело никакого права препятствовать остальным. И кто знает, чего эти остальные могли бы добиться?

Почему же правительство потерпело неудачу?

«Ему помешала отсталость страны». «Отсталые массы не были готовы».

На это ничего нельзя сказать, потому что массам сознательно *не позволили* действовать. Разве удивительно, что человек не может идти после того, как ему связали ноги?

«Другие левые силы не захотели пойти вместе с большевиками». *Эти другие силы не захотели слепо подчиняться большевистским приказам и требованиям, которые считали губительными*. Тогда им заткнули рот и *не позволили* действовать.

Именно: капиталистическое окружение могло затруднить деятельность правительства и способствовать его перерождению. Но оно никогда не сумело бы приостановить или извратить свободную деятельность *миллионов людей*, готовых, как мы видели, в удивительном порыве совершить подлинную Революцию.

Говорить о «преданной Революции», как это делает Троцкий, нелепо не только в рамках всякой «марксистской» или «материалистической» концепции, но и с точки зрения здравого смысла.

Как такое «предательство» оказалось возможным после великой и полной победы Революции?

Вот в чем вопрос.

По здравом размышлении, после тщательного изучения положения вещей самый непосвященный человек поймет, что «предательство» это «не с луны свалилось»; оно явилось «материальным» и совершенно логическим последствием самого хода Революции.

Отрицательные результаты русской Революции были лишь *завершением вполне определенного процесса*. А сталинский режим — только неизбежный итог, к которому привели действия Ленина и самого Троцкого.

То, что Троцкий называет «предательством», на самом деле является фатальным результатом постепенного перерождения, вызванного ошибочной практикой.

Именно: правительственная и государственная практика ведет к «предательству», то есть к краху, который делает возможным «предательство». Другие методы привели бы к иным результатам.

В своей слепой пристрастности (или, скорее, из неосознанного лицемерия) Троцкий впадает в самую банальную путаницу, для него непростительную: *он путает причины и следствия.*

Грубо ошибаясь (или, вероятнее всего, делая вид, что ошибается, поскольку не имеет других возможностей обосновать свою позицию), он принимает следствие («предательство» Сталина) за причину. Ошибка — или, скорее, маневр, — позволяющая ему уйти от основной проблемы: *как сталинизм оказался возможен?*

«Сталин предал Революцию»... Это очень просто! Даже слишком просто для объяснения чего бы то ни было.

Объяснение, однако лежит на поверхности: «сталинизм» явился естественным следствием краха подлинной Революции, а не наоборот; а крах Революции стал закономерным итогом неверного пути, который избрали большевики.

Иными словами: *именно перерождение пошедшей по неверному пути Революции вызвало Сталина, а вовсе не Сталин переродил Революцию.*

Добавим, что, уже пораженный болезнью, революционный организм мог бы успешно сопротивляться ей при условии свободной деятельности масс; но большевики, руководимые Лениным и самим Троцким, лишили его всех средств защиты: болезнь неизбежно должна была охватить его целиком и погубить.

«Предательство» стало возможным, ибо трудящиеся массы не выступили ни против его подготовки, ни против его совершения. Не выступили потому, что, полностью поработанные новыми хозяевами, быстро лишились как понимания подлинной Революции, так и всякого духа инициативы, свободной деятельности. Скованные, угнетенные, они понимали бесполезность — что я говорю? — невозможность сопротивления. Троцкий лично внес вклад в возрождение в массах духа слепого повиновения, мрачного безразличия по отношению ко всему, что происходит «наверху». Это «Вождем» удалось. Народ был побежден, и надолго. Отныне стало возможным любое «предательство».

После всего сказанного мы предлагаем читателю самому вынести суждение о «достижениях большевиков».

Версия #3

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 5 апреля 2025 20:36:05

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 5 апреля 2025 21:27:42